

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.9>

UDC 343.1:340.137

LBC 67.410.2-91

Submitted: 09.01.2026

Accepted: 27.02.2026

SOME ISSUES OF LEGISLATIVE SUPPORT FOR THE EFFECTIVENESS OF UNIFICATION OF JUDICIAL PRACTICE IN CRIMINAL CASES

Alexey P. Rozhnov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper presents a view on a broad understanding of unification in criminal law, which includes, in addition to the unification of the legislation, also the unification of the practice of applying criminal law norms by courts. The **purpose and objectives** of the study are to analyze the validity of a broad understanding of unification, especially in light of the fact that practice is initially considered a generalized experience of courts resolving similar legal situations. The research **methods** include the general scientific methods traditional for humanities, such as analysis, synthesis, and the systemic approach, as well as the formal legal method and the method of legal interpretation. **Results:** it is stated that, due to the poly-structural nature of law enforcement practice, the presence of competing trends in the interpretation and application of criminal law norms when resolving criminal cases is not excluded. Therefore, the highest degree of the unification of practice is achieved only in the so-called “practice-forming decisions” of the Supreme Court of the Russian Federation, adopted by it in a specific case as a supervisory instance court, as well as in the issuance of the so-called “guiding explanations” designed to guide courts towards the uniform application of legal norms in similar cases. Hence, the inadmissibility of the absence in the current constitutional legislation of the Russian Federation of an indication of the guiding and, consequently, mandatory nature of explanations issued by the Supreme Court is noted; the absence in Articles 9 and 10 of the Criminal Code of the provisions prohibiting giving retroactive force to more repressive official positions of the Supreme Court formed after a person has committed a crime (while the criminal law prohibition itself remains unchanged), as well as the provisions obliging the review of a judicial act in a criminal case in event of a subsequent change by the Supreme Court of its official understanding (in favor of the offender) of certain provisions of the Criminal Code previously applied in the same case, is criticized. **Conclusions:** the amendments to the current legislation of the Russian Federation are proposed, aimed at overcoming the noted shortcomings, as well as establishing a hierarchy of acts of the Supreme Court involving the official formulation of legal experience mandatory for courts, to overcome possible competition of legal positions.

Key words: analogy in criminal law, retroactive law, legal position, law enforcement practice, expansive interpretation of criminal law, guiding explanations, unification in criminal law, unification of judicial practice, unification of criminal law.

Citation. Rozhnov A.P. Some Issues of Legislative Support for the Effectiveness of Unification of Judicial Practice in Criminal Cases. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 72-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.9>

УДК 343.1:340.137

ББК 67.410.2-91

Дата поступления статьи: 09.01.2026

Дата принятия статьи: 27.02.2026

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УНИФИКАЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Алексей Петрович Рожнов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье излагается взгляд на широкое понимание унификации в уголовном праве, которая должна включать в себя не только процесс обеспечения единообразного регулирования уголовным законом

составляющих предмет отрасли сходных общественных отношений, но и унификацию практики его применения судами при рассмотрении однотипных фактических ситуаций. **Целями и задачами исследования** является анализ обоснованности широкого понимания унификации, особенно в свете того, что практика изначально рассматривается как обобщенный опыт разрешения судами сходных правовых ситуаций. **Методами** исследования являются традиционные для гуманитарного знания общенаучные методы анализа, синтеза, системный подход, а также логико-юридический метод и метод юридической интерпретации. **В результате** констатируется, что в силу полиструктурности правоприменительной практики не исключается наличие в ней конкурирующих тенденций в истолковании и применении норм уголовного права при разрешении уголовных дел. Поэтому наибольшая степень унификации практики достигается только в так называемых практикообразующих решениях Верховного Суда РФ, принимаемых им по конкретному делу как судом проверочной инстанции, а также и при издании так называемых руководящих разъяснений, призванных ориентировать суды на единообразное применение норм права в однородных делах. Отсюда отмечается недопустимость отсутствия в действующем конституционном законодательстве РФ указания на руководящий и, следовательно, обязательный характер издаваемых Верховным Судом разъяснений; критикуется отсутствие в ст. 9, 10 УК РФ положений, запрещающих придание обратной силы более репрессивным официальным позициям Верховного Суда, сформированным после совершения лицом преступления (при неизменности самого уголовно-правового запрета), равно как и обязывающих пересмотреть судебный акт по уголовному делу в случае последующего изменения Верховным Судом своего официального понимания (в лучшую для преступника сторону) тех или иных положений УК, ранее примененных при рассмотрении того же дела. **Выводы:** предлагается внести изменения в действующее законодательство РФ, направленные на преодоление отмеченных недостатков, а также и устанавливающие субординацию актов Верховного Суда, в которых происходит официальное формулирование обязательного для судов правового опыта, для преодоления возможной конкуренции правовых позиций.

Ключевые слова: аналогия уголовного права, обратная сила закона, правовая позиция, правоприменительная практика, расширительное толкование уголовного закона, руководящие разъяснения, унификация в уголовном праве, унификация судебной практики, унификация уголовного закона.

Цитирование. Рожнов А. П. Отдельные вопросы законодательного обеспечения эффективности унификации судебной практики по уголовным делам // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 72–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.9>

Введение

Эффективность уголовного закона предопределяется как содержанием его норм, так и внешней формой их изложения. Даже правильно воспринятый публичной (прежде всего, законодательной) властью социальный запрос на криминализацию того или иного деяния не достигнет своего позитивного регулирующего эффекта без придания ему оптимальной правовой формы. Отсюда разработка вопросов законодательной техники становится для отрасли уголовного права особенно важной, тем более если учесть, что: а) уголовное законодательство отнесено к исключительно ведению Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ¹), б) Уголовный кодекс РФ провозглашен единственным источником уголовного права, поскольку «уголовное законодательство состоит из настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Запрос на разработку техники уголовного законодательства актуализируется еще и беспрецедентным ко-

личеством изменений, вносимых в уголовный закон; по подсчетам Н.А. Лопашенко, в период с 1997 по 2023 г. было принято 310 федеральных законов, изменявших и дополнявших УК. Причем частота правотворческих «вторжений» в УК поступательно возрастала [10, с. 146–147].

Значительную разработку вопросы законодательной техники в уголовном праве получили в трудах доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Льва Леонидовича Кругликова и его учеников. И, пожалуй, чуть ли не единственными применительно к отраслевой проблематике являются работы Л.Л. Кругликова и Л.Е. Смирновой, посвященные такому приему законодательной техники, прямо противоположному дифференциации уголовной ответственности, как унификация в уголовном праве [8; 13]. «Унификация в уголовном праве, – пишут данные авторы, – это процесс, обеспечивающий единообразное правовое регулирование сходных либо совпадающих общественных отношений в области

преступного и наказуемого, осуществляемый законодателем в ходе создания или совершенствования уголовно-правовых норм, их элементов и иных структурных составляющих отрасли уголовного права» [8, с. 18].

**Унификация судебной практики
как составная часть унификации
в уголовном праве**

Представляется все же, что унификацию в уголовном праве надо понимать несколько шире, ввиду чего она не сводится только к деятельности законодателя. Объектом унификации являются не только правовые нормы главного юридического источника отрасли – УК РФ, но и иные юридические феномены, составляющие (наряду с уголовным законом) нормативное звено механизма уголовно-правового регулирования. Среди последних необходимо выделить судебную практику. Вопросы ее сущности, правовой природы, места в правовом регулировании и властной реализации получили значительное освещение в юридической литературе, особенно в постсоветский период развития юриспруденции. Однако большинство дискуссий о роли практики традиционно сводятся к признанию или отрицанию ее в качестве источника (в том числе и уголовного) права современной России. Однако безотносительно от возможной правоты той или иной позиции ученого нельзя, на мой взгляд, отрицать очевидное – под видом толкования (как правило, расширительного), конкретизации применяемых норм, использования инструментов аналогии закона и аналогии права, практика упорно вторгается в правовое регулирование, в особенности в тех сферах социальной жизни, которые не получили ясно, однозначного, недвусмысленного и непротиворечивого отражения в позитивном праве. Сказанное относится и к тем отношениям, которые составляют предмет уголовного права. Безусловно, считать данную ситуацию удовлетворительной нельзя и с учетом положений ч. 1 ст. 1 УК РФ, и с учетом того, что уголовное право – типично охранительная отрасль [3, с. 107–108] системы российского права, относимая к ее публичному сегменту [2, с. 306], что исключает наличие в ней пробелов и возможность их преодоления приемами

применения нормы права по аналогии. Последнее связано с тем, что публичные отрасли права (а уголовное в первую очередь) характеризуются так называемым разрешительным типом регулирования, который строится на началах «запрещено все, кроме дозволенного законом» [1, с. 271], а применительно к любому виду юридической ответственности регламентирует ее на началах «только это», «не допускается иначе, как» [1, с. 273–274].

Однако, как отмечал Л.Л. Кругликов, требования ч. 2 ст. 3 УК РФ, устанавливающие в качестве составной части принципа законности принципиальный запрет применения уголовного закона по аналогии, в действительности недостижимы [9, с. 34]. И если запрет аналогии в сфере преступного и наказуемого вполне коррелирует с ч. 2 ст. 54 Конституции РФ – «никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением», то, строго говоря, для запрета аналогии положений Общей части УК нет никаких конституционных оснований [9, с. 37–38]. А коль скоро и уголовное право не лишено пробелов, а равно и иных менее одиозных недостатков, требующих толкования и конкретизации предписаний уголовного закона как ведущего, или главного, источника отрасли, то отсюда нельзя игнорировать регулирующее воздействие судебной практики [12, с. 127]. Причем независимо от той роли, которая отводится ей доктриной и публичной властью – источника ли права (официального, нетрадиционного, субсидиарного и пр.) или же только акта толкования норм позитивного права.

На первый взгляд, постановка вопроса об «унификации судебной практики» несколько странна, поскольку судебная, или шире – правоприменительная, практика в ее узком, прагматическом аспекте, есть «опыт властного индивидуального регулирования общественных отношений» [5, с. 113], «определенные выводы, обобщения, результаты, обобщенный опыт юридической деятельности» [7, с. 44]. Отсюда практика при таком ее рассмотрении – это уже унифицированная линия, тенденция, направление, «вектор» поведения судов при разрешении однотипных, сходных, совпадающих в своих основных чертах правовых ситуаций. И, казалось бы, о какой тог-

да унификации практики может идти речь? Однако данный вопрос снимается сам собой, если учесть, что практика – сложное, многоуровневое, полиструктурное явление, аккумулирующее в себе далеко неоднородный опыт, с различным регулятивным потенциалом. Как указано, например, Н.Н. Вопленко, социально-правовой опыт проходит в своем становлении определенные последовательные этапы: прецедент толкования → прецедент применения → правовоположение → деловое обыкновение [4, с. 67]. Только на последнем этапе то или иное созданное практикой предписание получает свою наиболее ясную конкретизацию, всеобщее распространение, признание, известность, становится уже своего рода деловым обыкновением. Максимальная формальная определенность обыкновения достигается как раз за счет его изложения в так называемых «практикообразующих актах» Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), к которым, по сложившимся в правовой системе России традициям, относятся те принятые коллегиями ВС как проверочными инстанциями (кассационной, надзорной) судебные постановления по уголовным, гражданским, административным делам, которые опубликованы в его официальном печатном органе – «Бюллетене Верховного Суда РФ», или которые помещены в обзоры судебной практики ВС, утверждаемые (обычно ежеквартально) его Президиумом. И, само собой, максимальная степень унификации, или «нормативность», практики достигается в постановлениях Пленума ВС РФ, которые принимаются не в связи с разрешением конкретного дела и в которых в максимально обобщенной форме излагается выработанный и выявленный практический опыт применения права, имеющий характер общего правила, максимально приближенного к правовой норме.

Однако до того, как стать обыкновением и «попасть» в постановление Пленума ВС РФ, не исключено существование конкурирующих, противоречивых и даже разнящихся тенденций судебной практики. Не исключается и появление даже откровенно противозаконной практики (таковой, полагаю, является любая практика, которая зиждется на расширительном толковании уголовно-правовых запретов и которая, таким образом, латентно, вне зако-

на, расширяет границы преступного вопреки принципу «*nullum crimen sine lege*» [11]). В этой связи неслучайно практически каждое постановление Пленума ВС предваряется преамбулой со стандартными фразами: «В целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об уголовной ответственности за...», «В целях обеспечения правильного применения законодательства, предусматривающего ответственность за...»; «В связи с вопросами, возникающими у судов при применении положений... и в целях обеспечения единства судебной практики» и т. п.

Пробелы действующего законодательства РФ, снижающие эффективность регулятивного потенциала судебной практики

Отсюда первым и главным направлением унификации практики является издание **ВС РФ руководящих разъяснений**, направленных на единообразное понимание и применение судами тех или иных положений уголовного закона в текущей судебной деятельности по рассмотрению уголовных дел судами первой и проверочных инстанций всех уровней. Соответствующее полномочие Верховного Суда прямо закреплено в ст. 126 Конституции РФ, а также в ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и в п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – «Закон о Верховном Суде РФ»). Однако большим упущением отечественного законодательства является отсутствие в нем указания на руководящий, то есть обязательный, характер даваемых Верховным Судом разъяснений². Безусловно, данный огрех законодательной техники преодолевается систематическим толкованием Конституции, федеральных конституционных законов и некоторых процессуальных кодексов (в части регламентации ими требований, предъявляемых к составлению решений судов по административным, арбитражным и гражданским делам, оснований для отмены судебного постановления в надзорном порядке или для пересмотра судебного постановле-

ния по новым обстоятельствам – см., в частности: абзац восьмой ч. 4 ст. 170, п. 3 ст. 308.8, п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, абзац третий ч. 4.1 ст. 198, п. 3 ст. 391.9, п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 180, ч. 3 ст. 215, п. 6 ч. 1 ст. 334, п. 3 ст. 341, п. 5 ч. 1 ст. 350 КАС РФ). Однако все же ответ на столь серьезный вопрос (об обязательности / необязательности разъяснений ВС), касающийся нормативной основы разрешения любого, а тем более уголовного (!), дела, должен все же недвусмысленно вытекать из фундаментальных конституционных законодательных актов, регулирующих основы судостроительства, а не следовать из их истолкования, что само по себе свидетельствует о смысловой неопределенности (а потому и о некоторой дефектности, ущербности) толкуемых положений.

Заметим, что в большинстве процессуальных кодексов обязательность нормативной практики Верховного Суда находит свое отражение при регламентации оснований ревизии судебных постановлений в надзорном порядке и их пересмотра по новым обстоятельствам. Так, например, в силу п. 6 ч. 1 ст. 334 КАС РФ если заявитель надзорной жалобы обосновывает необходимость пересмотра обжалуемого судебного акта нарушением судом единства судебной практики, то он должен привести в жалобе примеры в подтверждение этих доводов. Сообразно этому одним из оснований отмены или изменения судебного акта в надзорном порядке является в силу п. 3 ст. 341 КАС РФ нарушение обжалуемым актом «единообразия в толковании и применении судами норм права». В свою очередь, одним из оснований пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам является «определение или изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации либо в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, примененной в конкретном деле, если в соответствующем акте Верховного Суда Российской Федерации содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства» (п. 5 ч. 1 ст. 350 КАС РФ).

Отсюда явно неприемлемым является полное молчание законодателя в УПК РФ по

вопросу о юридической силе практики и, прежде всего, даваемых Верховным Судом разъяснений.

Парадоксально, но факт: об обязательности нормативной практики ВС РФ в сфере уголовного правосудия и необходимости ее учета при разрешении уголовных дел судами любых инстанций свидетельствует, к сожалению, не закон, а отдельные кассационные решения ВС РФ. Так, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 01.10.2024 № 31-УД24-8-К6, вынесенным по уголовному делу по обвинению Васильева, осужденного по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 19.05.2010 № 87) за покушение на сбыт наркотических средств в составе группы лиц, были частично пересмотрены ранее вынесенные по делу судебные акты. Изменяя судебные постановления нижестоящих судов, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ обратила внимание на недопустимость применения при квалификации деяния осужденного той правовой позиции Верховного Суда, которая ухудшает его положение и которая отсутствовала на момент совершения осужденным (январь 2012) инкриминированного ему преступления. Примечательно, что по вопросу оценки действий сбытчика наркотических средств, который расфасовывает наркотик и хранит его при себе либо дома с целью последующей реализации, но не успевает реализовать из-за прерывания преступления правоохранительными органами, у Пленума ВС РФ наличествовали в разное время две позиции: постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в своей первоначальной редакции исходило из необходимости квалификации такого рода деяний как приготовления к сбыту наркотика (п. 15); постановление Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 30 исключило п. 15 указанного постановления и дополнило его п. 13.2, согласно которому действия, аналогичные действиям Васильева, подлежали квалификации уже как покушение на сбыт.

Между тем п. 13.2 с изложенной в нем правовой позицией Верховного Суда на момент

совершения Васильевым преступления в постановлении Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 отсутствовал. Более того, по данной ситуации на момент совершения преступления существовала иная, впоследствии утратившая силу, но достаточно ясно выраженная и менее репрессивная, а потому и улучшающая положение преступника позиция ВС РФ, ориентирующая суды на оценку действий несостоявшегося сбытчика, прервавшихся на этапе приобретения, хранения, перевозки, изготовления или переработки им наркотика, как приготовления к последующему сбыту (по ч. 1 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК).

Обосновывая частичную незаконность ранее принятых по делу судебных актов, Судебная коллегия ВС сослалась на ст. 9 УК, согласно которой преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Кроме того, данной инстанцией ВС РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 10 УК было обращено внимание на то, что уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

И поскольку речь шла не об уголовном законе, а об изменившейся практике его применения, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ при выборе подлежащей применению для оценки действий Васильева редакции одного и того же постановления Пленума применила ст. 9, 10 УК, по сути, по аналогии, распространив их действие не только на уголовный закон, но и на постановления его Пленума.

Приведенное судебное постановление коллегии ВС заслуживает внимания, на наш взгляд, по двум обстоятельствам.

Во-первых, косвенно ВС РФ признает, что постановления его Пленума – это нечто большее, чем просто акт официального, обязательного толкования нормы права.

Согласно традиционному взгляду на толкование права, последнее есть познание государственной воли, нашедшей свое отражение в тексте закона или иного нормативного акта [6, с. 14; 14, с. 173]. Отсюда в акте толкования не может быть собственной нормативной новизны, поскольку он всецело произведен от содержания истолковываемого им юридичес-

кого источника права. А раз толкование – это познание государственной воли, заключенной в законе (ином нормативном акте), то какая разница, когда, в какой период действия закона (иного нормативного акта) эта воля была уяснена, выявлена? Главное, что она была такой и без истолкования закона уже на момент введения закона в действие.

При таком подходе даже при наличии в разные временные периоды конкурирующих актов официального толкования одного и того же органа должно презюмироваться, что истинным является последний, действующий акт толкования. Следовательно, пересматривая в кассационном порядке судебные постановления по вышеупомянутому уголовному делу, ВС РФ должен был бы судебные акты по делу оставить без изменения, основываясь на том, что п. 13.2 приведенного постановления Пленума ВС лишь четче и яснее изложил ранее отраженную в УК государственную волю по вопросу понимания стадий сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Однако, как следует из кассационного определения, ВС РФ приведенными соображениями не руководствовался и отступил от понимания постановлений Пленума лишь только как актов толкования права.

Во-вторых, анализируемое решение ВС, принятое по конкретному уголовному делу, еще раз высвечивает непростительную пробельность приводившихся выше федеральных конституционных законов, которые «обходят» вопрос о юридической силе актов ВС, отражающих итоги обобщения (унификации) текущей судебной практики, равно как и вопрос об их юридической природе. Между тем из-за этого «молчания» законодателя приведенная позиция ВС РФ, безусловно справедливая и вполне соответствующая принципам и фундаментальным началам уголовного законодательства, высказанная его коллегией при кассационном разрешении конкретного дела, строго формально обязательна только для этого дела. Таким образом, в уголовном законодательстве РФ и в актах его нормативного официального толкования нет норм, запрещающих придавать обратную силу изменяющимся позициям ВС, ухудшающим положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности,

по сравнению с официальными позициями ВС, находившимися в момент совершения преступления, равно как и нет формальной нормативной основы для пересмотра состоявшихся по уголовному делу судебных решений в случае последовавшего после преступления изменения позиции ВС, улучшающей положение преступника³.

Таким образом, в идеале намеченный в текущем правоприменении высшего суда подход о невозможности придания обратной силы правовым позициям ВС, сформулированным в его актах официального обобщения судебной практики рассмотрения уголовных дел, ухудшающим положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, должен найти свое отражение в ст. 9, 10 УК. Но до внесения изменений в уголовный закон в целях оперативного преодоления указанного пробела уместно было бы дополнить действующее постановление Пленума ВС РФ от 24.06.2025 № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» соответствующими разъяснениями.

Помимо отсутствия указания на обязательность руководящих разъяснений ВС РФ, другим серьезным недостатком современного конституционного законодательства о судостроительстве и общей компетенции ВС РФ, а также и отраслевого процессуального законодательства (включая и уголовно-процессуальное) является отсутствие в нем какой-либо иерархии тех актов ВС, которые практику формируют и выражают (в обобщенном виде или же при принятии решения по конкретному делу).

Из регламентации компетенции, структуры и состава ВС в Законе о Верховном Суде РФ следует, что обобщением судебной практики могут заниматься два состава Верховного Суда – его Пленум (п. 1 ч. 3 ст. 5 Закона о Верховном Суде РФ) и Президиум (п. 7 ч. 1 ст. 7 Закона о Верховном Суде РФ). В последнем случае, правда, непонятно, в какой форме Президиум ВС «рассматривает отдельные вопросы судебной практики», происходит ли это в связи с рассмотрением конкретного дела или же Президиум обобщает уже ранее сформированный опыт применения закона по конкретным делам, рассмотренным другими

судами или коллегиями ВС РФ. Компетенция Президиума, закрепленная в общем виде в ст. 7 Закона о Верховном Суде РФ, допускает оба указанных варианта: например, наделение Президиума правом надзорного пересмотра судебного дела и правом возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам как раз и мотивируется законодателем в п. 1 ч. 1 ст. 7 этого Закона целью «обеспечения единства судебной практики и законности». Думается, обеспечение этого единства даже при рассмотрении конкретного дела невозможно без выражения правовой позиции высшего Суда в конкретном деле, как раз и составляющей существо сформированного практикой обыкновения и, собственно, и являющейся практикой. Возможность же обобщения практики не в связи с конкретным делом прямо закрепляется для Президиума ВС в п. 7 ч. 1 ст. 7 Закона о Верховном Суде РФ. Процессуальное законодательство (кроме УПК РФ) также не исключает для Президиума оба указанных варианта формирования и закрепления практики.

Таким образом, есть как минимум два состава Верховного Суда, которые наделены полномочиями по унификации практики – его Пленум и Президиум, и три группы актов, принимаемых данными составами ВС РФ, которые являются формальными и официальными выразителями практики:

- постановления Пленума Верховного Суда РФ;

- постановления Президиума Верховного Суда РФ, принятые по конкретному делу, рассмотренному в порядке надзора либо пересмотренному по новым или вновь открывшимся обстоятельствам;

- постановления Президиума Верховного Суда РФ, которыми утверждаются обзоры судебной практики.

Какие-либо субординационные связи между указанными актами законодательства РФ, включая и упомянутые федеральные конституционные законы, не устанавливает. Однако возможность появления конкурирующих официальных правовых позиций, тем более при наличии как минимум трех групп актов ВС РФ, в которых данные позиции могут выражаться, отнюдь не исключается. Поэтому логичнее было бы законодательно за-

репить иерархию соответствующих судебных актов, поставив во главе такой иерархии постановления Пленума ВС РФ, затем обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом ВС РФ, а в завершение – казуальные решения Президиума ВС РФ, принятые по конкретному делу, но которым придается значение в том числе и акта официального толкования уголовного закона. Критерием такого распределения актов толкования по юридической силе выступает степень его «нормативности». Наивысшей данная степень является именно в постановлениях Пленума ВС РФ, которые по способу структурирования и абстрактной форме изложения материала максимально приближены к нормативному акту.

Выводы

В завершение заметим, что унификация в праве как прием законодательной (или шире – юридической) техники не должна ограничиваться только нормативно-правовыми предписаниями, формулируемыми официально принятыми в государстве способами (преимущественно в законах и иных нормативно-правовых актах). Не менее важным является приведение к единообразию и того квазинормативного материала, который: (а) вырабатывается в ходе текущей и, прежде всего, судебной властной реализации права, (б) включается в правовое регулирование в качестве его нормативной основы, дополняющей (а иногда, к сожалению, и замещающей) традиционные источники права. Особенную актуальность этот вопрос приобретает в сфере регулирования тех отношений, которые составляют «ядро» предмета уголовного права, складываются между лицом, совершившим общественно опасное деяние, государством и потерпевшим, поскольку именно в этих отношениях государство реализует свое право на насилие и наиболее чувствительно умаляет человека в его правах и свободах. С учетом значимости этих отношений и повышенной уязвимости частных лиц, в них участвующих, нельзя оставлять без контроля формирование того опыта правоприменения, который дополняет уголовный закон, причем независимо от того, как данный опыт оценивается доктриной (толкование, конкретизация, субсидиарное нормотворчество и т. п.).

Магистральным направлением унификации практики как властно-судебного опыта применения уголовного закона является издание руководящих разъяснений Верховного Суда РФ, наиболее желательными и предпочтительными из которых являются постановления его Пленума. Для оптимизации же данного направления деятельности ВС необходимо: (а) закрепление в конституционном законодательстве РФ руководящего (обязательного) характера тех актов ВС РФ, в которых происходит обобщение практики применения законов (включая и уголовный), (б) закрепление в действующем УК РФ положений, запрещающих придавать обратную силу официальным позициям ВС, отсутствовавшим в момент совершения преступления и ухудшающим положение лица, его совершившего, и обязывающих распространять на прошлое время новые позиции ВС, улучшающие положение лица, совершившего преступление, (в) закрепление в законодательстве РФ положений, устанавливающих субординацию актов ВС РФ, в которых через официальное толкование закона происходит обобщение практики его применения, их соотношения и соподчиненности в случае аккумуляирования в них конкурирующих правовых позиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее, если специально не оговорено иное, доступ к упоминаемым в настоящей статье нормативно-правовым актам, постановлениям Пленума ВС РФ, судебным актам, принятым по конкретным делам, осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Такого недостатка был лишен ранее действовавший в России Закон РСФСР от 08.07.1981 «О судостроительстве РСФСР», в котором разъяснения, даваемые Верховным Судом по вопросам применения законодательства РСФСР, как результат реализации полномочий этого Суда по изучению и обобщению судебной практики, прямо именовались руководящими. Помимо этого, Закон определенно и императивно устанавливал, что «руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение» (абзац третий ст. 56).

³ Вместе с тем та ситуация, когда ВС РФ изменяет свое официальное понимание стадий разви-

тия конкретного преступления и момента его окончания, существенно уточняя тем самым границы преступного, не такая уж и редкая. Достаточно вспомнить, как Пленум ВС резко «сдвинул» вперед момент окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК) в своем постановлении от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламен-

тирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», «переделав» данный состав своим новым пониманием момента его окончания из формального в материальный, отказавшись от ранее сформулированной им в постановлении от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Восхождение к праву: Поиски и решения. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Восхождение к праву / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – 558 с.
2. Алексеев, С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. Линия права. Отдельные проблемы концепции / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – С. 297–544.
3. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Изд-во БЕК, 1993. – 224 с.
4. Вопленко, Н. Н. Источники и формы права : учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – 102 с.
5. Вопленко, Н. Н. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции : монография / Н. Н. Вопленко, А. П. Рожнов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – 205 с.
6. Вопленко, Н. Н. Толкование права : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 126 с.
7. Карташов, В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность : монография / В. Н. Карташов ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 219 с.
8. Кругликов, Л. Л. Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Смирнова. – СПб. : Юрид. центр – Пресс. – 2008. – 312 с.
9. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2005. – 305 с.
10. Лопашенко, Н. А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовно-правовые принципы. Уголовная ответственность. Авторский курс : монография / Н. А. Лопашенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрлитинформ, 2024. – 408 с.
11. Пономарев, В. Г. Справедливо ли считать взяткой благодарность за действия должностного лица, заранее ею не обуславливаемые? / В. Г. Пономарев, А. П. Рожнов // Первый Ярославский юридический форум (1–2 октября 2021 г.) : сб. науч. ст. по вопросам уголов. права и процесса / отв. ред. Е. В. Благоев, А. В. Иванчин, Л. В. Лобанова. – Ярославль, 2021. – С. 202–209.
12. Рожнов, А. П. К вопросу о признании судебной практики юридическим источником уголовного права / А. П. Рожнов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16). – С. 123–130.
13. Смирнова, Л. Е. Унификация в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Смирнова Людмила Евгеньевна. – Ярославль, 2006. – 203 с.
14. Шаргородский, М. Д. Избранные работы по уголовному праву / М. Д. Шаргородский. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2003. – 434 с.

REFERENCES

1. Alekseyev S.S. *Voskhozhdeniye k pravu: Poiski i resheniya. Sbranie sochinenij. V 10 t. T. 6. Voskhozhdeniye k pravu* [Ascending to the Law: Search and Solutions. Collected Works. In 10 Vols. Vol. 6. Ascending to the Law]. Moscow, Statut Publ., 2010. 558 p.
2. Alekseyev S.S. *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: nekotorye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoj epokhi. Sbraniye sochinenij. V 10 t. T. 5. Liniya prava. Otdelnye problemy kontseptsii* [The Law on the Threshold of the New Millennium: Trends in Global Legal Development – Hope and Drama of the Modern Era. Collected Works. In 10 Vols. Vol. 5. The Line of the Law. Conceptual Problems]. Moscow, Statut Publ., 2010, pp. 297–544.

3. Alekseyev S.S. *Teoriya prava* [Theory of the Law]. Moscow, Izd-vo BEK, 1993. 224 p.
4. Voplenko N.N. *Istochniki i formy prava: ucheb. posobiye* [Sources and Forms of the Law. Textbook]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004. 102 p.
5. Voplenko N.N., Rozhnov A.P. *Pravoprimeritel'naya praktika: ponyatiye, osnovnye cherty i funktsii: monografiya* [Law Application Practice: Concept, Main Features, and Functions. Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004. 205 p.
6. Voplenko N.N. *Tolkovaniye prava: monografiya* [Interpretation of the Law. Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2007. 126 p.
7. Kartashov V.N. *Juridicheskaya deyatel'nost': ponyatie, struktura, tsennost': monografiya* [Legal Activity: Concept, Structure, and Value. Monograph]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1989. 219 p.
8. Kruglikov L.L., Smirnova L.Ye. *Unifikatsiya v ugolovnom prave* [Unification in the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. tsentr – Press, 2008. 312 p.
9. Kruglikov L.L., Spiridonova O.Ye. *Juridicheskiye konstruksii i simvol'y v ugolovnom prave* [Legal Structures and Symbols in the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. tsentr – Press, 2005. 305 p.
10. Lopashenko N.A. *Razmyshleniya ob ugolovnom prave. Ugolovnoe pravo. Ugolovno-pravovye printsipy. Ugolovnaya otvetstvennost'. Avtorskiy kurs: monografiya* [Reflections on the Criminal Law. The Criminal Law. Criminal Law Principles. Criminal Liability. Author's Course. Monograph]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2024. 408 p.
11. Ponomarev V.G., Rozhnov A.P. Spravedlivo li schitat' vzyatkoj blagodarnost' za dejstviya dolzhnostnogo litsa, zaraneye yeyu ne obuslavlivayemye? [Is It Fair to Consider a Token of Gratitude for Not Preconditioned Official's Actions a Bribe?]. Blagov E.V., Ivanchin A.V., Lobanova L.V., eds. *Pervy Jaroslavskiy juridicheskij forum (1–2 oktyabrya 2021 g.): sb. nauch. st. po voprosam ugolov. prava i protsessa* [The First Jaroslavl Legal Forum (October 1–2, 2021). Collection of Scientific Articles on Criminal Law and Procedure]. Yaroslavl, 2021, pp. 202–209.
12. Rozhnov A.P. K voprosu o priznanii sudebnoj praktiki yuridicheskim istochnikom ugolovnogo prava [On the Issue of the Recognition of Judicial Practice as a Legal Source of Criminal Law]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Jurisprudentsiya* [Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence], 2012, no. 1 (16), pp. 123–130.
13. Smirnova L.Ye. *Unifikatsiya v ugolovnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [Unification in the Criminal Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Yaroslavl, 2006. 203 p.
14. Shargorodskiy M.D. *Izbrannye raboty po ugolovnomu pravu* [Selected Works on the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. tsentr – Press Publ., 2003. 434 p.

Information About the Author

Alexey P. Rozhnov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, rozhnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5465-6978>

Информация об авторе

Алексей Петрович Рожнов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, rozhnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5465-6978>